

Сергей ЗВЕРЕВ

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ

ЛЕГАЛЬНЫЙ НЕЛЕГАЛ

Засекреченный

Сергей Зверев

Легальный нелегал

«ЭКСМО»

2006

Зверев С. И.

Легальный нелегал / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2006 — (Засекреченный)

Русский ученый Остроумов, проживающий в Латинской Америке, сделал величайшее научное открытие. От правительств США, Японии и России поступают предложения переехать в их страну. Ученый выбирает историческую родину. Но с его решением не могут смириться ЦРУ, японец Никамура, занимающийся промышленным шпионажем, и правительство Латиноамериканской республики. Начинается скрытая и жестокая борьба спецслужб за Остроумова, в которую включаются и наше главное разведывательное управление. Сотрудник ГРУ Алекс Бэр получает задание доставить ученого в Россию любой ценой.

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	9
5	14
6	18
7	21
8	24
9	28
10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Легальный нелегал

1

Россия, Москва, Госдума

Просторный зал заседаний был заполнен до отказа. В отличие от обычных рабочих будней, когда одного от другого депутата отделяет немалое количество пустующих кресел, сегодня свободных мест практически не было. И немудрено – глава государства не каждый день обращается с посланием к Федеральному собранию. Солидные люди в дорогих костюмах, словно студенты на лекции, слушали президента, изредка украдкой перешептываясь. Нечастые, характерные жесты дополняли несколько отрывистую речь всенародного избранника, который долго и правильно говорил о пути России в мировом сообществе, необходимости развития научно-технического потенциала и стабилизации экономики. Сидящий в первых рядах представитель ЛДПР едва заметно усмехнулся, услышав знакомое изречение о «сырьевом придатке Запада», которым стране необходимо перестать быть, и чем быстрее, тем лучше. «Спору нет, – думал он, – референты грамотное выступление подготовили: гладкое, ровное, в меру оптимистичное и патриотичное. И позиция четкая, поучиться можно. Только вот когда я об этом же говорил на телешоу – ничего, кроме ухмылочек, на лицах видно не было. А когда Он вещает – все сидят и внимают благоговейно!»

А с трибуны тем временем звучали призывы к духовному возрождению и укреплению «многонационального и многоконфессионального государства», в ответ на которые большинство присутствующих, соглашаясь, кивали. Отвлекаясь от листов с текстом, президент оперся рукой о трибуну и добавил, что, кроме всего прочего, следует наполнить новым содержанием и контакты с русской диаспорой, в какой бы стране мира эта диаспора ни находилась.

Кто-то, воодушевившись, заерзал на месте, кое-где мелькнули робкие аплодисменты. Депутат перестал ухмыляться и задумался. В его голову пришла замечательная мысль, которую он завтра же собирался реализовать в интервью с известной газетой.

2

Россия, Москва, Центр

Секретная директива расплзлась по неприметному серому зданию в центре столицы подобно едкому дыму. Ничего особенно экстренного в ней не было. Так, обычная текучка, какие периодически спускают сверху. Каждый отдел получил в свое распоряжение грифованную папку с несколькими листами сухого официального текста, предписывающего, кроме прочего, активизировать контакты с зарубежной российской диаспорой, только и всего. Но забот разведчикам эти бумаги прибавили существенно. Что значит активизировать, если работа и так идет полным ходом? Это значит искать дополнительные ресурсы, рисковать, вербуя новых агентов, в общем, еще сильнее скрипеть мозговыми шестеренками, с утроенной энергией «рыть землю» и молить фортуна подбросить информационную «ниточку», потянув за которую можно будет размотать интересный клубок.

Глава отдела, курирующего Латинскую Америку, отложил новую директиву и бросил взгляд в полуприкрытое жалюзи окно. Вид, открывавшийся из его кабинета, как нельзя лучше располагал к работе: внутренний дворик со служебной стоянкой, по которому с завидной регулярностью прогуливались плечистые ребята в штатском с собакой на поводке. Такие же парни дежурили и у глухих автоматических ворот, и в парадной, и у запасных выходов, вежливо, но решительно пресекая любые попытки нарушить режим строго охраняемого объекта, совершенно лишённого вывесок и названий. Охрана была отлажена, как часовой механизм, впрочем, как и все в этом заведении. В противном случае служба давно бы уже перестала существовать.

Взяв в руки остро отточенный карандаш, начальник разведотдела придвинул к себе чистый лист бумаги и стал стремительно набрасывать чуть подрагивающие ряды стенографических знаков. Твердый грифель слегка поскрипывал, скользя по мелованной поверхности, направляемый решительной рукой немолодого уже мужчины. Закончив писать, тот еще раз пробежал по бумаге глазами и вызвал к себе своего заместителя.

Сверху требовали сделать особенный акцент на персонах, занятых в сфере высоких технологий. Следовательно, настало время подкинуть еще кое-какую работенку самому надежному российскому агенту во всей Латинской Америке – Стерху (таков был его оперативный псевдоним на ближайшее полугодие).

3

Венесуэла, Каракас, берег Карибского моря в р-не Ла-Гуайра

Обнаглевшая чайка уселась на песок в десятке метров от отдыхающих и принялась беспардонно пялиться на людей в шезлонгах, явно собираясь стащить что-нибудь съедобное. Предоставив легкому ветерку перебирать кипенно-белые перья, она приоткрыла острый крючковатый клюв и коротко, пронзительно вскрикнула, словно проверяя, есть ли кому до нее дело.

Резкий звук, возникший неожиданно и так близко, заставил длинноногую мулатку, нежащуюся под лучами утреннего карибского солнца, вздрогнуть всем телом. Пузатый бокал, наполненный мартини, пошатнулся в ее тонкой руке, и несколько крупных прохладных капель упали на шикарную обнаженную грудь, заставив почти мгновенно напрячься и отвердеть вершины этих идеально округлых и упругих холмов. Бросив недовольный взгляд в сторону нарушительницы спокойствия, девушка томно повела шоколадным плечиком и жалобно, но требовательно протянула:

– Прогони ее, Джонни! Она мешает мне расслабиться!

Лежащий на соседнем шезлонге широкоплечий красавец с темно-русыми, слегка выюющимися волосами и европейскими чертами лица приоткрыл один глаз, скосил его сначала в сторону своей пассии, затем в сторону назойливой птицы. Не меняя положения тела, он лениво протянул мускулистую руку к корзинке с фруктами, стоящей между ним и девушкой, вынул оттуда лоснящийся оранжевой шкуркой на солнце апельсин и запустил им в сторону чайки. Проворная нахалка едва успела отскочить, еще раз недовольно вскрикнула, обиженно развернулась хвостом к людям и, взмахнув широкими крыльями, присоединилась к своим собратьям, кружащимся над лазурными волнами.

– Ты невыносим, Джонни, – мулатка отставила бокал и развернулась к молодому человеку. – Это ведь был мой апельсин!

Тот, кого она называла Джонни, снова приоткрыл один глаз и внимательно посмотрел на красотку. Заметив его взгляд, девушка нарочито медленно принялась стирать с груди пролитые капли вина наманикюрным пальчиком, игриво поблескивая выразительными черными глазами. Собрав прозрачную влагу, она поднесла палец к чувственным розовым губам, внимательно наблюдая за реакцией мужчины, а затем неторопливо слизнула мартини языком. Джонни рывком сел на шезлонге, шоу коварной соблазнительницы, исполненное специально для него, не осталось незамеченным. Девушка звонко рассмеялась, довольная произведенным эффектом, и тут же невинно захлопала ресницами:

– Что такое, милый?

Мужчина, глянув на часы, поднялся на ноги и сладко потянулся. Крепкие тренированные мышцы живыми буграми задвигались под загорелой кожей.

– Принесу коктейли, – небрежно проронил он, проведя кончиком указательного пальца по подбородку девушки и заглянув в ее зрачки своими холодно-голубыми глазами. Накинув на плечи рубашку, в кармане которой находился бумажник, мужчина пружинистой походкой направился к пляжному бару, который призывно поблескивал разнокалиберными бутылками и стаканами под сенью пальм. Подойдя к стойке, он заказал стакан ледяного соку и пару коктейлей. С наслаждением приложился к запотевшему стакану.

– Простите, пожалуйста! – послышался чуть глуховатый мужской голос. – Вы не разменяете сотню?

Голос принадлежал невзрачному мужичку в серой бейсболке и очках. Человек стоял против солнца, и его трудно было как следует рассмотреть. Обыкновенный европеец, вырвавшийся

отдохнуть на карибском берегу, недавно приехавший, судя по загару. В протянутой руке он держал купюру достоинством в сто тысяч боливаров, около пяти сотен долларов.

– В этих барах вечно нет сдачи, – смущенно протянул незнакомец. – Ну, так что? У вас найдется мелочь?

– Конечно, – Джонни выудил из кармана бумажник и отсчитал сотню тысяч мелочью. – Возьми, приятель. Только в следующий раз меняй деньги заранее.

Незнакомец скупно поблагодарил его и тут же засел за стойку, заказав себе двойной скотч. Новый день отдыха для него начинался вполне удачно.

* * *

В багровых лучах заката респектабельная вилла, казалось, светилась изнутри, словно громадный китайский фонарь. Но на самом деле освещение было включено только в одной комнате, служившей кабинетом, а из-за плотно задернутых штор наружу не пробивалось ни лучика. Прочая часть жилища после недавнего отъезда симпатичной мулатки была наполнена темной тишиной.

Оставшись один, Стерх вынул из бумажника полученную утром от незнакомца купюру в сто тысяч и задумчиво принялся ее разглядывать. Что она может означать, он, разумеется, догадывался. Повертев неновую на вид купюру между пальцами, отпер ключом ящик стола и вынул оттуда небольшую коробочку с акварельными красками, на первый взгляд совершенно обычными. Смешав пару красок, разведчик мягкой колонковой кистью аккуратными штрихами принялся наносить полученный состав на дензнак. Проделав эту несложную операцию, он просушил бумажку, придвинул к себе стоящий на краю стола якобы с декоративной целью микроскоп времен Левенгука, оказавшийся на деле вполне дееспособным прибором, и принялся настраивать его, уложив пресловутые сто тысяч на предметный столик. Вспыхнула миниатюрная ультрафиолетовая подсветка, и в окуляре четко проступили буквы микропечати, которые складывались в слова, предложения, составляя в итоге подробные инструкции, присланные из далекой Москвы.

4

Латиноамериканская республика, столица

Восхитительные песчаные пляжи широкой полосой протянулись вдоль океанского побережья. С высоты птичьего полета они казались прослойкой желтого драгоценного металла между иссиня-голубыми водами и изумрудно-зеленой тропической растительностью, уходившей далеко в глубь континента, к плоскогорью, где рождалось бесчисленное множество рек и речушек. Именно в этом райском уголке раскинулся Ла-Пуэрто.

Солнце, не жалея сил, заботилось о безоблачных жарких деньках, как нельзя лучше располагавших к расслабленной неге под его лучами в окружении колоритных аборигенов и аборигенок, которые тоже не слишком боролись с тягой к беззаботному времяпрепровождению. Что и говорить, местное столичное население излишней трудовой активностью не отличалось. Достаточно было пройтись по неровным улицам города, чтобы воочию убедиться, сколько народа предается безделью в рабочее время, предпочитая посвящать его подготовке к ночным развлечениям или тусовкам большими компаниями в барах и пивных под ритмы горячих латиноамериканских мотивов.

Такая жизнь многих здесь устраивала, и, если бы для беззаботной жизни не нужны были деньги, вряд ли кто-нибудь вообще стал работать. Отвыкли за время постоянных военных переворотов, которые с момента освобождения от колониального ига стали здесь самым обычным делом и вызывали у большинства жителей уже не больше удивления, чем весть о рождении потомства у кошки соседа. «Прогрессивные полковники» и столь же амбициозные лейтенанты то и дело поднимали вооруженные восстания и захватывали власть в стране под лозунгами свободы и демократии, совершенно искренне считая подобные революции естественной формой общественного переустройства. В то время как простые обыватели так же чистосердечно полагали, что демократия – это отмена платы за вход в бордели с дармовой выпивкой, и никак не меньше. Соответственно, престиж армии был непоколебим и заоблачно высок, brave офицеры и солдаты национальной гвардии удостаивались самых горячих девичьих взглядов и грез, а каждый мальчишка с пеленок мечтал стать военным. Все же остальные профессии на этом фоне выглядели не столь привлекательными, что и приводило к ощущению некоторой запущенности всего, на чем ни останавливался взгляд.

Но, несмотря на все, эта столица оставалась столицей и, как и все крупные города, развивалась куда быстрее, чем все остальное государство. Очередной главнокомандующий страны сделал ставку на развитие туризма как наиважнейшего из двигателей экономики, и к небу потянулись десятки новеньких отелей с чудесными видами на океан. Эти новостройки, радующие глаз обилием свежих красок, смотрелись весьма эпатажно на фоне старого порта и прилегающих к нему кварталов, сохранивших колониальный стиль. Каменные здания времен испанских конкистадоров, кованые решетки на подслеповатых окнах, узкие улицы с неизбежными пробками из подержанных американских, в основной своей массе, автомобилей – таково было истинное лицо этого города. Хотя бороться со временем – штука бесполезная. Ближе к современному центру – сосредоточию банков и дорогих магазинов – все больше и больше попадалось классических коробок из железобетона и кирпича, зачастую выглядящих древнее испанских кладок. Но и здесь был неистребим дух Латинской Америки, буквально сочащийся из куцых переулков, растянутых от окна до окна бельевых веревок и доносящихся отовсюду самбы и босановы.

Единственным местом, где этого не ощущалось, была та часть Ла-Пуэрто, что тянулась к северу скоплением одно-двухэтажных построек, пестривших невероятным смешением стилей. Ее делили между собой несколько этнических групп, среди которых заметно выделялась рус-

ская диаспора, состоявшая в основном из потомков эмигрантов из царской России. Покинув свое отечество с началом Октябрьской большевистской революции, они сумели наладить на другом конце света привычную для себя жизнь. И неплохо в этом преуспели. Не вмешиваясь в политические дела, соотечественники спокойно создавали свою общину, продолжая трепетно следить за вестями из далекой России.

* * *

Золотые купола православной церкви были приметны издали. Несколько странно она смотрелась в окружении раскидистых пальм, но с особняками под черепичными крышами, расположившимися окрест, гармонировала неплохо. Здесь, в Эль Варрьо Русо, русском районе, этот храм был главным ориентиром и достопримечательностью, и если бы не он, то сотруднику крупной американской газеты Дику Раствлеру еще долго пришлось бы кружить по улицам в поисках нужного места. Времени у него оставалось в обрез: пресс-конференция должна была вот-вот начаться, а опаздывать он не любил. Еще вчера, узнав от своего приятеля о том, что какой-то русский собирает журналистов, чтобы сделать важное заявление, Дик только посмеялся в ответ, не имея ни малейшего желания участвовать в подобной провинциальной шумихе. Но скудные подробности, которые удалось вытянуть из приятеля за стаканчиком бренди, заставили его отменить запланированные на сегодня встречи и чуть свет мчаться на своем «Форде» в небезопасное место, где, по слухам, чужаков не сильно жаловали. Чутье на сенсации, которому Раствлер привык доверять, гнало его на это сборище, где должен был появиться весь местный бомонд его коллег.

То, что он катит по Эль Варрьо Русо, Дик понял давно. Если поначалу надписи на кириллице попадались одинаково часто с испанскими вывесками, то теперь ориентироваться стало сложнее – таблички вроде «Рюмочная» или «Закусочная» ни о чем американцу не говорили, даже при условии, что он считал себя образованным человеком и знал три языка. Русский в эту тройку не входил, как теперь выяснилось, к сожалению.

Окончательно потеряв надежду самостоятельно разыскать виллу, Раствлер притормозил у двухэтажного здания с вывеской «Трактирь», рядом с резным деревянным крыльцом, у которого стоял светловолосый мальчуган в оранжевой кепке и возился со своим велосипедом.

– Ойе, ховен! – позвал американец, опустив стекло и нервно барабанив длинными пальцами по рулю. Тот, кого он назвал молодым человеком, на секунду отвлекся от своего дела и искоса глянул на потрепанный жизнью «Форд». В голубых глазах мальчишки читалось явное недовольство – заезжий автомобилист отвлекал его от важного дела. Тем не менее он вежливо поздоровался с незнакомцем:

– Буэнас диес, сэньор!

Пропустив приветствие мимо ушей, Раствлер недовольно осведомился:

– Где живет Иван Остроумов, знаешь? Нов-джерод-ский пе-ре-улок, 12?

Чтобы выдать сложное название, Дику пришлось еще раз заглянуть в блокнот. Запись была сделана второпях, карандашом, и он не был на сто процентов уверен в ее правильности. Тем не менее паренек после недолгого размышления, показавшегося американцу вечностью, кивнул и уточнил:

– Новгородский? Знаю, конечно.

Дик в сердцах швырнул дымящийся окурочок прямо на тротуар.

– И где это? – не скрывая раздражения, почти рявкнул он и тут же пожалел об этом. А также о сигарете, которая предательски белела посреди выметенного асфальта. Ни то ни другое не вызвало одобрения у двоих парней, разгружавших пикап неподалеку, и у солидного мужчины с окладистой бородой, как раз появившегося на крыльце. Поигрывая серебряными

часами на длинной цепочке, свисавшей из кармана жилетки, бородач окликнул мальчишку по-русски, смерив американца оценивающим взглядом:

– Сашок! Что ему от тебя нужно?

Дик понял свой промах и решил, что дешевле и быстрее самому смягчить ситуацию.

– Простите, сеньор, я заблудился! – тоном, мгновенно изменившимся на извиняющийся, протянул он. – Подскажите, пожалуйста, как проехать к дому Ивана Остроумова?

Мужчина привычным жестом сунул часы в кармашек и, прищурившись, оглядел незнакомца.

– Вы американец? – спросил он.

– Я журналист, – Дик увильнул от ответа и постарался улыбнуться как можно приветливее. – Сеньор Остроумов прислал мне приглашение на пресс-конференцию, а я не могу найти его дом. Не хотелось бы пропустить такое событие и обидеть уважаемого человека...

Бородач ухмыльнулся, но дорогу указал:

– Ну тогда вам следует поторопиться. Сейчас поворачиваете направо, спускаетесь к реке, а там вы увидите его виллу – над ней ветряные генераторы торчат, да и машин ваших коллег будет много.

Дик облегченно вздохнул, только когда «Трактирь» скрылся за перекрестком. Негромко выругавшись, он вытряхнул из пачки новую сигарету, помял ее пальцами. Сигарета дрожала в нервной руке. Еще раз чертыхнувшись, он сломал ее и сунул в пепельницу. Сдавать стал. Свежи еще были воспоминания о случайном визите в негритянский квартал Нью-Йорка, чуть было не ставшем последним в жизни любопытного журналиста. Русским, по мнению Раствлера, доверять стоило не больше.

Дома впереди несколько расступились, блеснула река. Рядом с сооружением, напоминавшим одновременно ангар и мастерские, показалась небедная вилла, у подъезда к которой скопилось с десятков автомобилей, а на лужайке перед беседкой на специально выставленных садовых стульях уже разместилась пестрая толпа журналистов. Неподалеку от дома действительно возвышалась вышка ветряной электростанции, изготовленной искусными руками хозяина.

Дик сбросил скорость. Негоже было ему, представителю центральной газеты Соединенных Штатов, суетиться на глазах местных акул пера. Стараясь двигаться вальяжно и неторопливо, он покинул автомобиль и направился к остальным. Даже если Раствлер и опоздал, то совсем ненадолго. Телевизионщики, стараниями которых начало общения с русским изобретателем несколько затянулось, только-только дали свое добро, и сухошавый мужчина лет шестидесяти пяти, с темно-русскими волосами и седеющей бородкой клинышком принялся рассказывать о своем новом изобретении. Но вначале он театральным жестом сдернул накидку темного цвета с небольшого постамента рядом с беседкой. Под накидкой оказался обыкновенный с виду автомобильный двигатель.

Раствлер бесшумно приблизился к толпе и остановился, включив диктофон. То, что он услышал из уст русского механика, только подтвердило его догадки о сенсации. Здесь ею не просто пахло – она буквально сочилась отовсюду, словно смола из сосновых досок. Даже если все, о чем говорил этот странный старикашка в слегка помятом костюме со старомодным галстуком, окажется всего лишь очередным блефом, репортаж получится первоклассный. А суть сводилась к следующему. По словам автора, ему удалось создать вполне работоспособный двигатель внутреннего сгорания на водородном топливе. Причем решил он проблему, над которой бьются десятки научных институтов и лабораторий всего мира, до неприличия просто.

Обычный серийный двигатель вместо карбюратора Остроумов оснастил специальной приставкой, в которой происходило смешивание топлива с воздухом. После этого двигатель мог работать на водороде вместо бензина. Изюминка изобретения состояла в том, что автором была создана особая жидкость – гель-присадка, способная связывать взрывоопасный и очень неудобный в обращении газ водород в относительно «мирную» жидкость без примене-

ния каких-либо громоздких и дорогостоящих устройств. Получающееся после этого невзрывоопасное водородное топливо можно было свободно переливать для хранения в канистры или цистерны, заливать в баки автомобилей. Это было одним из основных достоинств проекта, которым не могли похвастаться ни японцы, ни американцы, наиболее продвинувшиеся в этом направлении.

– ...Надеюсь, я доступно изложил свою идею, господа. – Седобородый человек раскланялся, довольный собою. Говорил он по-испански практически без акцента, но немного витиевато. – Надеюсь на вашу благосклонность и вопросы.

И вопросы не заставили себя ждать. Прямо с места послышалось:

– Выходит, в автомобильной промышленности не придется ничего перестраивать?

Остроумов отчаянно замотал головой, отчего его борода растрепалась:

– Нет, нет и еще раз нет! В том-то и смысл! Будут работать те же заводы, собирать такие же автомобили, как прежде! Более того, не надо будет переделывать даже автозаправочные станции! Потребители не испытают никаких неудобств, а риска будет не больше, чем при использовании бензина.

Журналисты загудели, обсуждая между собой громкое заявление, защелкала новая волна вспышек фотоаппаратов. Получалось, что с внедрением в жизнь идеи русского гения-самоучки наступит переворот не только в науке и технологии, но и в мировой экономике. Ведь сразу же упадет спрос на нефть со всеми вытекающими из этого последствиями!

Дик Раствлер приблизился к своему знакомому, который накануне проговорился об этом мероприятии.

– Довольно занятная вещичка, не правда ли? – спросил он, в душе радуясь произведенному эффекту. Собеседник не ожидал его появления и почувствовал себя несколько неловко.

– Да уж, ловко придумано, – сдержанно согласился тот. – Откуда ты узнал-то? Про пресс-конференцию? А, понял... я же, наверное, сам проболтался, да? Не думал, что тебе будет интересно... в смысле, не думал, что вообще будет интересно, потому и не пригласил, извини!

Раствлер молча кивнул в ответ на сбивчивые оправдания.

С одного из передних рядов поднялась стройная блондинка с большим бюстом, одетая в обтягивающие брюки и полупрозрачную блузку. Окружающие почему-то настороженно притихли, оглянувшись на нее.

– Скажите, пожалуйста, – послышался низкий женственный голос с сильным немецким акцентом, – каков состав вашего геля-присадки? Из каких компонентов вы его создали?

Иван Остроумов достал из кармана носовой платок и протер лоб, на котором от начинающегося зноя и переживаний проступили капли пота.

– Простите меня великодушно, но секрета присадки я вам раскрыть не могу, – виновато улыбнулся он под понимающие смешки аудитории.

Журналистка, не ожидавшая, по-видимому, другого ответа, не унималась:

– А ваш двигатель вообще работает? Или это только теоретические измышления?

– А вот сейчас и посмотрим! – Изобретатель проворно скинул пиджак и потер ладонью о ладонь. Подойдя к машине, установленной рядом, он с видом фокусника извлек небольшую канистру и продемонстрировал ее присутствующим.

– Здесь – водородное топливо. То есть газ, смешанный с присадкой. Это небольшое количество для демонстрации, и я залью его не в бак, а непосредственно в приставку, с вашего позволения. – С этими словами Остроумов принялся колдовать над двигателем, который вскоре ожил, огласив лужайку веселым урчанием. Фотокамеры снова залились потоком вспышек, послышались дружные аплодисменты.

Дик тоже похлопал в ладоши, а затем вновь тронул приятеля за локоть:

– А кто эта дама, что так интересуется механикой?

Тот заметно оживился:

– Так ты ее не знаешь?

– А почему я должен ее знать? – парировал Раствлер.

Местный журналист уставился на него сначала удивленно, а затем снисходительно подмигнул:

– Да это же наша достопримечательность – Хельга Брунер. Штучка, я тебе скажу, еще та! Очень эксцентричная особа! – Он доверительно наклонился к уху Раствлера и перешел на шепот: – А еще она нимфоманка! Да, да! Я с нею в прошлом году имел честь общаться – так она меня чуть до смерти не за... ну, ты меня понимаешь! Так что очень рекомендую при случае. Только...

Тут он осекся и немного замялся.

– У нее нашли СПИД? – небрежно спросил Дик.

– Да нет, что ты! – испуганно отшатнулся мужчина. – Просто она представляет нашу немецкоязычную газету, и поговаривают, что она имеет связи с нацистскими организациями. Знаешь, после Второй мировой у нас обосновалось немало разного сброда... Нет, разумеется, большинство эмигрантов – приличные люди. Но в каждой семье, сам понимаешь... И потом, раньше властям было все равно, кто приехал. Хоть сам Гитлер! Кстати, это было вполне возможно...

Американец понимающе кивал, провожая взглядом роскошные формы Хельги Брунер, которая первой покинула конференцию. За ней потянулись и остальные.

Фыркая двигателями, автомашины журналистов одна за другой трогались с места, и вскоре последний фургон с телевизионщиками скрылся за поворотом, а пространство перед домом стало совершенно свободным.

Раскланявшись со всеми, изобретатель устало присел на скамейку. Позади послышались тяжелые шаги. Оглянувшись, он увидел приближающуюся дородную женщину, одетую дорого, но безвкусно. Поправив мимоходом крашенные волосы, уложенные в пышную прическу, дама сложила руки на груди и сурово оглядела порядком измятую и замусоренную лужайку.

– Ты не стала слушать до конца, Люся? – спросил ее Остроумов. – Устала?

– Ты что, собираешься так и оставить свое добро посреди улицы? – вопросом на вопрос ответила его жена, указав на экспериментальный двигатель.

Механик вскочил и ловко принялся свинчивать приставку. На его лице блуждала довольная улыбка.

– Люся, убери это все в сейф, – обратился он к супруге, отдавая ей прибор и канистру с гелем. – Ты у меня золотце! Спасибо тебе за терпение!

– Давай сюда свой агрегат, – Людмила Остроумова бережно подхватила железяку. Тонкие губы растянулись в скупой улыбке. – Эта штуковина принесет нам целую кучу денег!

Услышав эти слова, ее муж на миг прекратил отирать пальцы, испачканные машинным маслом, о носовой платок и громко расхохотался:

– Рыбка моя! От этих денег только головная боль и никакой пользы! Да и много ли нам с тобой нужно? Дом есть, на все, что необходимо для жизни, у нас хватает, что еще нужно под старость-то?..

В воздухе повисла тишина. Остроумов перестал смеяться, немолодое лицо его приобрело по-детски мечтательное выражение.

– У меня одна мечта – побывать на родине. Да посмотреть на наше родовое имение, о котором столько рассказывал наш дед. Вот для этого и работаю...

Глаза его жены сузились в тонкие щелочки, бледные губы сжались в две нитки – мнение мужа явно не совпадало с ее собственным. Но она по опыту знала, что спорить с мужем бесполезно, поэтому молча развернулась и, грузно ступая, направилась к дому.

5

Венесуэла, Каракас

Американская посредническая фирма, зарабатывающая поставками венесуэльской нефти в Штаты, занимала громадный офис. И никакого удивления этот факт не вызывал. Ведь денег у этой, в общем-то, средней фирмы было много – торговля «черным золотом» никогда не была делом убыточным. Особенно если речь шла о Венесуэле – одном из крупнейших нефтедобытчиков на обоих американских континентах. Поэтому как должное воспринимались и вольготность размещения, подразумевавшая отдельные кабинеты почти для каждого сотрудника, и многочисленный парк служебных автомобилей, и отлаженная связь, ради надежности которой на крыше многоэтажки торчала пара внушительного размера спутниковых тарелок. Все это было выгодным фоном, надежно укрывавшим от посторонних глаз один из отделов, формально занимающийся скучной статистикой и финансовым анализом рынка, а на деле представляющий интересы самой амбициозной и широко известной конторы в США – Центрального разведывательного управления. Да, именно здесь, в «Ройал Транс Ойл Компани» с недавних пор находилась резидентура ЦРУ в Южной Америке. И именно отсюда, из Каракаса, осуществлялась координация действий большей части агентов, работающих в латиноамериканских государствах. Само собой, эта обратная сторона, скрывающаяся за бизнесом, тщательно конспирировалась, поэтому случайно забредшему в офис человеку и в голову не могло прийти, что в самом конце коридора, за обыкновенной полированной дверью находится кабинет, где порой обсуждаются и планируются такие дела, что к ночи лучше не вспоминать. Благо что зевак в офисе не было – не пускала служба безопасности, жалованье которой по понятным причинам платила вовсе не «Ройал Транс Ойл Компани». Кабинетик был, в отличие от остальных, шикарный. На его благоустройство глава резидентуры не пожалел ни сил, ни средств, отделав пару просторных смежных комнат по последнему слову техники. Мягкий свет, звуконепроницаемая обивка стен и потолков, бесшумные кондиционеры на бронированных окнах были просто необходимыми атрибутами для человека подобного ранга. Не стоит даже упоминать о том, что хозяин этого «царства» из натуральной кожи, металла и пластика – Майкл Кинк, – не вставая с кресла, мог общаться с любой точкой земного шара и иметь доступ практически к любой интересующей его информации, мог не покидать кабинета неделями, не испытывая дискомфорта, для чего в наличии имелась гардеробная и ванная комнаты, плазменный телевизор и потрясающий бар. Но роскошным его обитель делало не только все вышперечисленное. Ощущение респектабельности возникало с порога, как только посетитель оказывался в приемной, где за столиком из стекла и стали звонко щелкало клавиатурой юное создание с потрясающими зелеными глазами и обворожительной улыбкой. Именно с этого момента в сердце змеей закрадывалась жгучая зависть к Кинку, на что он, собственно, и рассчитывал и чему искренне радовался.

Теперешний гость, к сожалению, такого удовольствия Майклу не доставил. Мало того что он с совершенным безразличием миновал «убойную» секретаршу и бесцеремонно уселся на дорожный и любимый хозяином кожаный диван, так он еще и заставил главу резидентуры поморщиться от укола ревности. Когда Майкл Кинк лично вышел встречать Алекса Бэра в приемную, то успел поймать восхищенный взгляд девушки, обращенный отнюдь не в свою сторону, а вслед этому широкоплечему загорелому красавцу. Хорошо еще, что ревность эта была лишь задетым чувством собственника, потому что сногшибательную красавицу у себя в приемной Кинк держал больше из эстетических соображений, а на деле интересовался только особями одного с собой пола. Отчасти поэтому он так легко простил Алексу – одному из лучших агентов – всю его наглость.

Затворив за собой двери, глава резидентуры привычным жестом подправил и без того идеально лежащие соломенные волосы и неспешно преодолел пространство, отделявшее его от бара. Двигался он плавно и с достоинством, как подобало человеку его положения. Ухоженное лицо (результат еженедельного посещения косметолога) просто светилось учтивостью и добродушием. Это выражение было постоянной и очень обманчивой маской. Не меняя ее, Майкл Кинк порою становился крайне жестким человеком и непреклонным начальником. Вряд ли кто-то из тех, кому приходилось сталкиваться с ним по работе, мог похвастаться, что угадывал причину вызова на ковер по выражению лица шефа, а уж прогнозировать на сто процентов тему предстоящей неожиданной беседы и вовсе было невозможно. Колкие выпцветшие глаза надолго задержались на невозмутимом лице агента, которого он специально вызвал для важного разговора.

«Все-таки он чертовски хорош», – подумал Майкл, разглядывая его мужественные черты. А вслух произнес:

– Не будем занимать ни мое, ни ваше время обменом любезностями, мистер Бэр. О ваших недавних подвигах наслышан, впечатлен.

Алекс только улыбнулся в ответ. Если начальство предлагает экономить время, глупо вступать в обмен ненужными репликами.

– Что вы знаете о водородном двигателе? – между тем продолжал Кинк, открывая бар и вытаскивая из него бутылку виски.

– Мечты экологов и кошмарный сон нефтяных магнатов.

Ответ агента вызвал на лице начальника усмешку:

– Неплохое определение! Суть подмечена верно.

«Огненная» жидкость, приготовленная из отборного зерна в горах Шотландии, полилась в бокалы. Подав один из них своему собеседнику, Кинк поудобнее устроился в мягком кресле напротив и, словно няня, читающая сказки детишкам на ночь, принялся повествовать:

– К сожалению, мировые запасы нефти ограничены. А потребность в ней растет с каждым годом, и никуда от этого не деться. Сегодня, куда ни плюнь, везде наткнешься на ее производные, даже в пище! А если на миг представить, что все, что связано с «черным золотом», вдруг исчезнет, многие останутся голыми. Причем во всех смыслах!

В разговоре возникла многозначительная пауза. Алекс Бэр предпочел воздержаться от комментариев по этому поводу и дать возможность боссу до конца раскрыть свою идею.

Майкл Кинк склонил голову набок и стал похожим на строгого учителя старших классов.

– Правительство Соединенных Штатов не может допустить экономической и политической нестабильности, которые неизбежно наступят с истощением запасов природных углеводородов. – Его голос по-прежнему звучал негромко и размеренно, но чуткое ухо могло уловить постепенное нарастание металлических оттенков. – Разработан и уже запущен в действие ряд мер, которые, по мнению специалистов, помогут предотвратить кризис. И в этой государственной программе есть пункты, напрямую касающиеся нас с вами.

Агент, от которого пока еще неясно что требовалось, пригубил виски и с прежним спокойствием продолжил слушать своего шефа.

– Вы знаете о том, что администрация Буша выделила два миллиарда долларов на разработку водородного двигателя? – осведомился Кинк, отставив в сторону свой опустевший бокал.

– Естественно, – счел нужным отозваться Алекс, чтобы показать, что он все-таки участвует в беседе.

– И это только начало! Этой проблемой отныне занимаются не только частные фирмы, обеспокоенные своим финансовым благополучием, но и государственные лаборатории, в том числе военные. Сами понимаете, что вопросы национальной безопасности стоят на первом месте. И военная разведка роет землю с удвоенным усердием.

Бэр едва заметно повел бровью. Кажется, он начинал улавливать, откуда дует ветер. Если к участию в одном, пусть даже столь грандиозном, проекте подключили сразу две конкурирующие конторы, становилась понятной высокая заинтересованность руководства ЦРУ в его успешном выполнении. Лично для него это означало сокращение сроков выполнения задачи до минимума и постоянное давление начальства.

– ...Между тем такой двигатель уже создан, – заявил глава резидентуры и уставился немигающим взглядом в глаза своего подчиненного. – Небольшие доработки, и можно ставить вопрос о промышленном использовании...

Разговор для Бэра становился все интересней и интересней. Похоже, то задание, что собираются на него возложить, не так уж сильно будет разниться с его собственными планами. Алекс сдержанно кивал, показывая, что понимает тему, и ждал, когда же Майкл наконец дойдет до самого главного.

– Среди множества агентурных донесений есть сообщения об одном человеке, Иване Остроумове, проживающем в одной из соседних республик.

– Выходит, это не очередная газетная «утка»?

– Похоже, что нет, мистер Бэр.

– И какова моя причастность к этому делу?

Кинк расслабленно откинулся на мягкий подголовник:

– Скажу просто: нам нужен этот человек и его изобретение.

– Мои ресурсы?

– Когда дело касается таких стратегических вопросов, обычно даются самые широкие полномочия. Для начала попытайтесь перекупить этого человека. Денег он получит столько, что хватит и его внукам до конца жизни.

– Не все люди падки на деньги, – заметил агент.

– Тут вы правы, – хозяин кабинета закинул ногу на ногу. – Особенно если речь идет о гениальном человеке. Я думаю, одновременно с деньгами будет резонным предложить ему продолжить свои исследования, но в более комфортных условиях. К примеру, в собственной лаборатории, штат которой он может подобрать сам, а о финансировании никогда не придется задумываться. Для ученого – это самый убедительный аргумент. Само собой он получит американское гражданство и полный социальный пакет.

– Об этом человеке есть какая-нибудь информация?

– У меня на столе лежит досье на него и его супругу. К сожалению, особой толщиной оно не отличается – всего пара листов и несколько фотографий. Потомок русских эмигрантов, родился, вырос и сейчас живет в Ла-Пуэрто, столице республики. Женат, детей нет.

– Это ведь не первое его изобретение? Наверняка были и другие, но он по-прежнему живет в относительной безвестности, – Алекс задумчиво нахмурил брови. – Чувствую, что договориться с ним будет непросто.

– Поэтому я вызвал именно вас, мистер Бэр, а не кого-нибудь еще.

– Спасибо за доверие. А каков сценарий, если Остроумов наотрез откажется от наших предложений?

Кинк вздохнул и театрально воздел руки к небу:

– В таком случае вам придется применить все свое мастерство и попросту выкрасть автора вместе с его шедевром. Не беспокойтесь, прикрытие будет организовано по первому требованию.

Бэр понимающе кивнул. Заметив его вопросительный взгляд, Майкл продолжал:

– Кажется, я знаю, о чем вы собираетесь спросить. Что делать, если все пойдет кувырком? Я прав?

– Дело ведь деликатное, – согласился агент. – Особенно учитывая несомненных конкурентов и их происки.

Хозяин кабинета понимающе улыбнулся и, не меняя выражения лица, расставил точки над i:

– Как бы ни разворачивались события, нельзя допустить, чтобы изобретение попало в чужие руки. Особенно это касается русских. По нашим данным, Россия уже предложила Остроумову вернуться на историческую родину. Так что в методах вас не ограничиваю. Думаю, вы понимаете, о чем идет речь.

– Надеюсь, что крайние меры не понадобятся, – ответил Алекс, хорошо представлявший себе, что означало высказывание босса. «Так не доставайся же ты никому» – так можно было перевести его намек. А можно было обойтись и одним словом, страшным и емким, – ликвидация.

Агент прикончил свою порцию виски и отставил бокал.

– Отличный вкус, – заметил он. – Когда мне выезжать?

– Билеты найдете в той же папке, что и досье. Кстати, в Ла-Пуэрто у нас есть свой человек. Встретитесь с ним. Он должен вам многим помочь.

6 Япония, Осака

Из окна небоскреба открывался фантастический вид на вечерний мегаполис. Искрясь мерцающими огнями, он был похож на колоссальное живое существо, мерно ворочающееся перед отходом ко сну. Яркие нити магистралей и сложных развязок опутывали этого гиганта паутиной, отчего он казался древним, как сам мир. Вдалеке виднелся черный провал бухты, пересекаемый редкими всполохами судовых фонарей, а над ним темнело такое же непроницаемое небо. В последнее время редко удавалось вот так остановиться и просто посмотреть вокруг. Постоянная суета, поезда, самолеты, отели. Внезапно Накамуру охватило чувство усталости. Почти десять лет он работает в Корпорации, вкалывает в бешеном ритме, не жалея ни себя, ни своих сослуживцев, и за это время он еще ни разу не брал отпуск! Японец поковырялся в своей превосходно натренированной памяти, но так и не смог найти воспоминаний о выходных, проведенных исключительно для себя. Были корпоративные вечеринки, были сложные командировки в курортную местность, но каждую минуту он работал. Иначе было нельзя.

Корпорация, ставшая для него всем, занималась, кроме всего прочего, скупкой передовых технологий по всему миру, доводкой их до нужной кондиции и реализацией в жизнь или перепродажей. Часто приобретались только сами идеи, причем по бросовым ценам, у тех, кто не умел ими правильно воспользоваться. А в итоге они приносили сумасшедшую прибыль. Взять хотя бы нашумевшую историю с советскими научно-популярными журналами. Накамура припомнил, как они называются. Кажется, «Наука и техника» или что-то в этом роде. Ведь технические описания и чертежи из этого периодического издания загрузили работой Корпорацию на несколько лет. Нужно было просто брать оттуда готовые изобретения, оформлять на них патент и проталкивать на международный рынок. Случалось, что хозяева изобретений и сами рассчитывали их использовать. В таких случаях приходилось прибегать к промышленному шпионажу или попросту красть чужие мысли. И в этом Накамура не было равных. Японец даже улыбнулся, усталость куда-то пропала сама собой. Выходит, не зря он отдал Корпорации столько лет. Быть лучшим – это была подходящая цена за его адский труд.

В комнате для отдыха внезапно вспыхнул свет. Это секретарь господина Таканаши пришел пригласить Накамуру в зал совещаний и, не найдя его в темной комнате, включил освещение. Город за окном сразу погас, сменившись отражением внутренней обстановки комнаты.

– Господин Накамура, – вошедший парень лет двадцати в идеально отглаженном костюме и белой рубашке почтительно поклонился, – вас ожидают.

Накамура молча поклонился в ответ и решительно зашагал по гулкому коридору, твердо решив для себя, что после выполнения нового задания обязательно возьмет отпуск. Или хотя бы пару выходных.

Автоматические двери плавно, но резво распахнулись перед коренастым японцем, пропустив его в зал совещаний, который мало отличался от других в их офисе: холодный пластик, стекло и металл, ровный искусственный свет, струящийся из ниоткуда, минимализм, граничащий с аскетизмом в обстановке. Вдоль просторного помещения сильно вытянутым овалом расположился стол, рассчитанный как минимум на три десятка человек. Напротив каждого кресла – портативный компьютер. И никаких проводов.

Несмотря на размеры комнаты и высокие потолки, звукоизоляция полностью поглотила звук шагов, когда Накамура направился вдоль пустующих мест туда, где в изголовье стола расположились четверо человек. Всех их он хорошо знал. Несмотря на то что на главном месте сидел господин Таканаши, в ведении которого находился информационно-аналитический отдел Корпорации, а если называть вещи своими именами – отдел промышленного

шпионажа, несомненно, что все собрание проходило с оглядкой на молодого и энергичного президента Корпорации господина Куно, демократично расположившегося по правую руку от председательствующего. Именно его первым поприветствовал вошедший. Справа от него сидел пренебрежительный старикан господин Хирата, финансовый директор, с которым у Накамуры не так давно случились трения по поводу перерасхода средств. Затраты, разумеется, окупились сторицей, еще раз подтвердив правоту лучшего «ловца идей», но это произошло спустя некоторое время, в течение которого постоянно приходилось объясняться с руководством и доказывать верность своих решений. Но и с ним Накамура вежливо раскланялся, после чего занял свободное кресло рядом с главой отдела по развитию энергетических технологий господином Шоно.

– Господин Накамура, – глава информационно-аналитического отдела сидел, опираясь локтями о прозрачную крышку стола, – вам поручается очень важное дело.

Японец, к которому была обращена речь, внимательно следил за мимикой говорившего, стараясь угадать по ней то, чего не будет сказано словами. Под руководством этого старого волка, по слухам – бывшего якудза, ему приходилось проворачивать совершенно немыслимые операции, и он хорошо знал: если Таканаши упомянул о важном деле, значит, оно действительно важное.

– Господин Шоно введет вас в курс дела.

С этими словами сосед Накамуры развернулся на крутящемся сиденье к нему лицом:

– В настоящее время Япония очень сильно зависит от импорта нефти, несмотря на развитие атомной энергетики и технологии. Альтернативные источники энергии еще недостаточно надежны и доработаны, чтобы позволить нам отказаться от этого вида топлива. Поэтому мы крайне заинтересовались сообщениями, полученными господином Таканаши от своих агентов в Южной Америке. Если верить им, изобретатель-самоучка создал вполне дееспособный автомобильный двигатель на водородном топливе, открывающий громадные перспективы. Если нам удастся его заполучить, нефтяному господству придет конец. Мы получим баснословные прибыли, исчисляемые миллиардами долларов, а Япония от этого только выиграет, поскольку добыча нефти не является главным источником пополнения государственного бюджета, как у некоторых ее соседей. Японское автомобилестроение снова окажется вне конкуренции, первым запустив в производство подобные машины. И это без учета тех политических потрясений, которые, несомненно, обрушатся на Запад.

Шоно умолк, предоставив агенту осмыслить сказанное. В зале на некоторое время воцарилась тишина. Первым ее нарушил президент Куно.

– Господин Накамура, – обратился он к сосредоточенно хмурящему брови японцу. – Мы знаем, что вы надежный человек, преданный нашей компании. И опыта вам не занимать. Задача, которую мы предлагаем вам выполнить, вполне вам по силам, поэтому мы все ждем вашего решения. Тем более что такой шанс выпадает не так уж часто и времени на размышления у нас нет.

Сказав это, Куно вместе с остальными выжидающе уставился на Накамуру. Выпрямившись, как струна, тот громко и внятно изрек:

– Я готов выполнить задание.

– Вот и замечательно! – Куно, которого, видимо, ждали еще и другие дела, встал из-за стола. – Господин Таканаши, вам ведь необходимо обсудить детали? Оставлю вас и не буду мешать.

Он направился к выходу, но через пару шагов остановился и обернулся к Накамуре, который почтительно поднялся с места, провожая президента Корпорации.

– Да, чуть не забыл, – сказал он и взглянул на финансового директора. – В средствах мы вас не ограничиваем, господин Накамура. Главное, чтобы был результат.

Когда за створками дверей-автоматов скрылась большая половина участников совещания, за столом остались лишь глава шпионского отдела со своим подчиненным.

– Я знаю вашу манеру работы, Рю, – Таканаши расслабился и вел себя уже неформально, называя агента по имени. – За это время вы наверняка уже обдумали, что вам понадобится для этого дела. Я и весь мой отдел в вашем распоряжении.

Накамура выдержал небольшую паузу и принялся перечислять:

– Для начала мне необходимо собрать все сведения, касающиеся личности изобретателя, его семьи и эмиграции русских в Южную Америку в целом. Мне понадобятся все данные о любых контактах наших корпораций со страной проживания объекта, а также сводки тамошних последних политических и экономических новостей.

– Я примерно так и думал. Люди уже работают. Еще?

– Разумеется, деньги, документы и билеты на ближайший рейс в Москву.

– В Москву? – Таканаши удивленно вскинул брови. – В Россию?

Накамура кивнул:

– Мне понадобятся архивы. Кроме того, у меня есть чувство, что эта поездка сильно поможет в последующих переговорах.

– Что ж, вам виднее, – согласился начальник. – Мой секретарь забронирует место в самолете.

7

Россия, Москва, Центр

Вот уже два часа начальник латиноамериканского отдела разведки обсуждал с ведущим аналитиком ситуацию, сложившуюся вокруг русского изобретателя Остроумова. Словно услышав мольбы разведчиков, фортуна подкинула им такой подарок. Как по заказу – высокие технологии, пусть даже в кустарном исполнении, русская диаспора за рубежом – все в соответствии с директивой, спущенной сверху. Закрадывалась даже мысль о возможной дезинформации со стороны стран-противников. И если бы не подтверждение от Стерха, к ней бы так и относились. Но чем больше и сам Щуров, и аналитики его отдела вникали в суть дела, тем становилось понятнее, что назревает совершенно не детская игра, из которой надо было выйти победителями при любом раскладе.

Поражали масштабы придуманного изобретателем проекта. По самым приблизительным подсчетам, реализация его «поставит на уши» полмира, скачки в развитии экономики неминуемы. Прибыли и потери будут сопоставимы с годовыми бюджетами некоторых стран. Именно поэтому без особенных проволочек удалось отправить в Южную Америку приглашение для Остроумова и его семьи на переезд в Россию от имени правительства Российской Федерации. Примечательно, что ответ не заставил себя ждать. Потомок русских эмигрантов с радостью на это предложение согласился. Оставалось только контролировать процесс перемещения этого гениального ученого, что было само по себе не такой уж и простой задачей.

– Сам Остроумов предполагает, что на сборы, включая свертывание его мастерских, лаборатории и оформление документов, уйдет около месяца, – глава разведотдела Борис Васильевич Щуров сидел за столом в одной рубашке с ослабленным галстуком. Пиджак висел на стуле. Несмотря на приоткрытые фрамуги, в кабинете было душно. Ведущий аналитик Семен Семенович Тарпанов, которого за глаза все звали просто «Эс-Эс», чувствовал себя не более комфортно. Его вязаный свитер невнятного цвета с каждой минутой казался все более теплым и колючим, и Тарпанову приходилось периодически оттягивать его ворот, чтобы улучшить циркуляцию воздуха под одеждой.

– Он совершенно прав, – согласился Семен Семенович, в очередной раз проделав эту нехитрую процедуру. – На подготовку к отъезду уйдет никак не меньше месяца, а то и двух. Благодаря газетной шумихе власти страны хорошо информированы о том, что именно собирается вывозить с собой Остроумов, и получить разрешение на выезд будет очень непросто.

– Это уже дело МИДа, – отмахнулся Щуров. – Там в курсе насчет происходящего и осознают всю важность мероприятия. Думаю, эти вопросы вполне решаемы.

– При условии, что местные власти не будут ставить палки в колеса.

– Есть некоторые рычаги воздействия на Ла-Пуэрто, я говорил с ребятами из министерства, обещают все уладить.

Тарпанов порылся в бумагах и уверенно заявил:

– Безусловно, русский ученый должен вернуться в Россию. Это логично и нас устраивает. Но ведь не одни мы не прочь получить результаты трудов Остроумова! Тут к бабке не ходи, появятся конкуренты. Неплохо бы подстраховаться.

– Уже, Семен Семеныч, подстраховались! – Щуров довольно ухмыльнулся. – Нам невероятно повезло: как раз в этом латиноамериканском государстве до недавнего времени работал очень толковый человек, сотрудник нашего посольства, Вертлужный Арсений Макарович. Два года назад он был переведен на другую работу, но теперь мы его возвращаем. Его связи очень пригодятся, надеюсь, он их не растерял.

– Это хорошо. Но врагов у нашего соотечественника теперь предостаточно. Надо подстраховать и Вертлужного.

– Полноте, Семен Семеныч! – искренне удивился начальник отдела. – Я понимаю, что дело важное, а вы человек осторожный. Но не настолько же! Двойные и тройные перестраховки – не кажется ли вам, что это лишнее? И потом, какие враги? В Латинской Америке?

– Не только, Борис Васильевич. Мои спецы просеяли информацию от агентуры и прессу и обнаружили одну интересную деталь. В Москву прибыл некто Такеши Согава.

– Это еще кто?

– Довольно интересный фрукт, судя по его связям. Прибыл с частным визитом как ученый Токийского университета, интересующийся русской историей. Музеи, архивы, библиотеки – такая вот культурная программа. – Тарпанов выглядел несколько озабоченным, видимо, сам уже не был до конца уверен в правильности своих выводов. Это заметил и Щуров и сразу же задал вопрос:

– А какое отношение он имеет к Остроумову?

– Видите ли, Борис Васильевич, в архиве он искал то же, что и мы. А именно: документы, касающиеся Ивана Алексеевича Остроумова, деда нашего изобретателя, в честь которого его, собственно, и назвали. Где жил, чем занимался, почему уехал...

– Так, так, так, – насторожился руководитель разведотдела. – И многое узнал?

– Почти все то же, что и мы, – аналитик развел руками, словно оправдываясь, хотя он был вовсе ни при чем. – А что можно было сделать? Архивариус клянется, что перепроверил все трижды – документы у японца в идеальном порядке, все заявки составлены так, что и комар носа не подточит. Наверняка он еще и «смазывает» бюрократическую машину...

– Да ладно, бог с ним, – перебил Щуров. – Ничего сверхъестественного он не узнал, я так понимаю. А вот про него что известно? Вы сказали: «интересный фрукт».

Семен Семенович пожегся в колючем свитере и достал еще один листок из вороха принесенных с собой бумаг.

– Так, одну минутку, – протянул он, отыскивая в тексте нужное место. – Вот, пожалуйста. На самого Согаву у нас никаких сведений не оказалось, зато в картотеке нашелся человек, как две капли воды похожий на нашего загадочного гостя, – господин Накамура. Вот он действительно окончил Токийский университет, факультет журналистики. Потом служил в армии, а дальше след его затерялся. Снова его имя всплыло в связи с упоминанием о деятельности крупной японской Корпорации и ее штаб-квартире в Осаке и офисами во многих городах мира, в том числе и в Москве. Компания занимается промышленным шпионажем, специализируясь в основном на высоких технологиях, но не брезгует ничем. Естественно, официальный бизнес у этой фирмы существует, и довольно солидный, так что здесь все вполне законно, не считая того, что они в производстве частенько используют нелегальную информационную добычу. Проверили еще раз документы Согавы – все чисто, никаких зацепок. Но у меня есть все основания считать, что Согава – это и есть профессиональный промышленный шпион Рю Накамура. Тогда вполне понятен его интерес к Остроумову и его водородному двигателю.

Щуров покачал головой и в задумчивости затеребил карандаш.

– Этого и следовало ожидать... ну, конечно... такой лакомый кусок, – пробормотал он. – А вы молодец! Вовремя эту ищейку засекли! Не прощелкать бы остальных...

Семен Семенович терпеть не мог, когда его хвалили, поэтому торопливо вставил:

– Так как насчет перестраховки?

– Теперь-то естественно. А вот насчет японца идеи какие-нибудь имеются? Или так и отпустим его делать свое черное дело?

Тарпанов, смутившись, заерзал на стуле:

– Ну, в общем, не мое это дело, у вас для этого целое подразделение есть...

– Семен Семеныч, – с укоризненной интонацией произнес Щуров, – мы же с вами друга друга знаем как облупленных. Ваши советы в таких ситуациях – на вес золота. Детали-то мы и сами обмозгуем, вы только идейку подкиньте, как этого ловкача прищучить!

– Только для вас, Борис Васильевич, – сдался Тарпанов. – Но уговор: если скажу нелепость – вы мне сразу же честно об этом скажете. Идет? В общем, я пораскинул мозгами, что бы я на месте этого Рю в России забыл, и вот какая штука мне в голову пришла...

8

Латиноамериканская республика, столичный аэропорт

Воздух над взлетной полосой дрожал, нагреваясь от бетонного покрытия, и преломлял лучи так, что все предметы сквозь него виделись искаженными, похожими на миражи. Привыкая к твердой почве после долгого перелета, Арсений Макарович Вертлужный остановился на секунду и прислушался к собственным ощущениям. В ушах еще оставался гул двигателей авиалайнера, а в коленях – легкие последствия нервного перенапряжения в виде едва различимой дрожи. Он был уже немолод, но к передвижению по воздуху так и не смог до сих пор привыкнуть. Перелет оставался слишком большим стрессом для его персоны.

Салон российского «Ил-86» он покинул последним – задержался, общаясь с командиром экипажа. Остальные пассажиры ушли вперед и уже рассаживались по местам в подкатившем ядовито-желтом автобусе не первой свежести, без дверей и люков на крыше, который должен был довезти их до здания аэровокзала. Надо было нагонять, иначе придется топтать пешком с полкилометра по рулежкам, да еще и выслушать кучу претензий от местной полиции, охранявшей порядок в воздушном порту. Но дипломат не смог отказать себе в удовольствии поставить дорожную сумку прямо на шершавый асфальт и, потянувшись, оглядеться по сторонам. Он не был в этой стране два года. А до этого прожил здесь – страшно подумать – пятнадцать лет! Зеленые плоскогорья, видневшиеся вдалеке, стали почти родными, а океанское побережье, во всей красе представшее его взору при подлете, и вовсе вызвало приступ ностальгии. Изюм всех сил втянув носом горячий воздух с примесью гари и авиационного керосина, он понял, что гул самолета все еще преследует его. Чтобы с этим покончить, он энергично потрянул бритой наголо головой. Не помогло. Тогда он легонько похлопал себя по ушам ладонями, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, как делают после выхода из воды, чтобы избавиться от ее остатков в слуховом проходе. И снова безрезультатно. Мало того, гул стал заметно нарастать, постепенно переходя в низкий рев. И тут только Арсения Макаровича осенило, что звук этот раздается вовсе не в его голове, а исходит от совершенно реального двухмоторного транспортного самолета, который грациозно заходит на посадку.

Рассмеявшись собственной оплошности, Вертлужный подхватил свои вещи и направился было к заполненному автобусу, как что-то заставило его обернуться в сторону садившегося самолета, который уже катился по взлетной полосе, гася скорость реверсом двигателей. Расстояние было значительным, но кружок с пятиконечной звездой и надпись «NAVY USA» не оставляли сомнений: транспортный «Геркулес» принадлежал Военно-морскому флоту Соединенных Штатов Америки.

«Вот тебе и раз! – подумал российский дипломат, почти бегом догоняя прочих попутчиков. – Военный самолет в гражданском аэропорту! Интересно, что бы это могло значить? Уж не за тем же самым, что и я, он притащился?» Действительно, это выглядело немного странно, учитывая тот факт, что со Штатами у республики были несколько натянутые отношения. Успокоив себя тем, что в Ла-Пуэрто проживает никак не меньше шести миллионов жителей и вероятность совпадения мала, Вертлужный пообещал себе разузнать поподробнее обо всем этом и вскочил на подножку тронувшегося транспортного средства.

Дорога заняла всего несколько минут, еще столько же понадобилось солидному улыбочивому человеку с безупречным знанием испанского и дипломатическим паспортом, чтобы пройти таможенный контроль. Дело облегчил и его вопрос о том, как поживает владелец аэропорта сеньор Антонио Эрмоса. Полицейский почтительно кивнул и указал дипломату дорогу на третий этаж. Вертлужный и сам неплохо помнил, где помещалась обитель его старого приятеля, но на всякий случай выслушал стража порядка до конца – мало ли что за два года могло

произойти и измениться. Поднявшись по чудом уцелевшему за столько лет работы эскалатору наверх, он дошел до конца коридора и постучал в двери безо всяких обозначений.

– Да! – слышался из-за двери знакомый рык. – Ну, кто там?! Входите уже наконец!

Потянув на себя ручку двери, Арсений Макарович несколько не удивился, узрев лишь сизые клубы сигаретного дыма, плотно завесившие небольшую комнатку. От возникшего движения воздуха они закружились и хлынули в коридор, немного рассеявшись и сделав различными кряжистый стол у окна, сервант в углу, забитый всяким хламом, и внушительного вида хозяина этого беспорядка с зажженной сигаретой в зубах. Шагнув в этот туман, Вертлужный едва не закашлялся, но пересилил себя и, остановившись на середине затертого до неприличия ковра, возмущенно заметил:

– А ведь ты так и не научился выбирать хорошее курево, Антонио!

– Какого черта!!! – вскочил со своего места толстяк с красным лицом и пушистыми бакенбардами. Увидев гостя, он на миг замер, а потом с удвоенной энергией кинулся к нему, уронив по пути кипу бумаг со стола. Пыльные листки закружились, ссыпаясь прямо под ноги, но «авиамагнат» топал по ним, не обращая внимания на подобные мелочи. – Арсению! Ты откуда здесь взялся, дружище?

Владелец аэровокзала и хозяин самой крупной авиакомпании в республике Антонио Эрмоса сгреб не успевшего проронить ни слова в ответ дипломата в объятия.

– Кэ энкуэнтро (Какая встреча)! – рычал толстяк, осыпая пеплом белую рубашку гостя и хлопая его по спине. – Тебя что, опять сослали в эту дыру? И чем ты снова провинился, а?

Высвободившись наконец из лапщ своего друга, Вертлужный перевел дух и огляделся.

– За все время, пока я тебя знаю, – хохотнул он, – в этой пещере ничего не меняется! Разве к лицу такому солидному мужчине иметь вместо кабинета клоповник? Или у тебя не осталось денег на уборщицу?

– Нет уж, пусть все уборщицы катятся куда подальше, я их на милую не подпускаю к своей берлоге! – свирепо завращал глазами Эрмоса. – Уберут, а потом не найдешь ничего! Ну их к свиньям! Ты лучше про себя расскажи.

– Я с удовольствием, только боюсь, сердце не выдержит такого удара никотином! – улыбнулся Арсений Макарович. – Так что либо открывай окна, либо пошли отсюда на свежий воздух!

– Окна?! – оторопел Антонио. – Ты надо мной издеваешься? Да они не открывались со времен Великого потопа! Пойдем в конуру к моему заму, там тебе точно понравится! Бросай свои шмотки здесь, никуда они не денутся.

Хлопнув дверью так, что вздрогнули стены, толстяк проворно двинулся вперед, увлекая за собой своего гостя. Вертлужный с удовольствием отправился за ним: дышать табачным дымом дольше было для него слишком мучительно.

Преодолев коридор, приятели вошли в дверь, на которой висела вполне респектабельная табличка с названием авиакомпании, выполненная золотом. Да и помещение, куда они попали, было, не в пример кабинету Эрмосы, приличнее: в нем нашлось место и секретарше с ярким маникюром, и мягким стульям для посетителей, и даже журнальному столику с кипой цветастых таблоидов. Все это разительно отличалось от каморки Антонио Эрмосы, где у обычного человека шансов выжить просто не было.

Бесцеремонно ворвавшись в светлый кабинет своего помощника, толстяк протопал через него к потайной двери, не обращая внимания на вскочившего в изумлении щеголеватого молодого человека в костюме кофейного цвета. Эрмоса лишь махнул рукой, мол, сиди, не отвлекайся. Вертлужный, стараясь не отстать от приятеля, шедшего впереди, подобно ледоколу, на ходу извинился, чуть не споткнулся о персидский ковер, но успел заметить, как заместитель, сообразив, что к чему, облегченно упал в свое кресло.

Понятно стало, куда так стремился Эрмоса, когда они очутились на затененном балконе с видом на летное поле. Установленная там легкая мебель оказалась как нельзя кстати, как и появившаяся следом девушка с подносом, на котором она принесла пару бокалов, графин с содовой и бутылку джина. Похоже, церемония встречи важных гостей была отработанной. Владелец аэропорта для того и выделил своему помощнику это место, чтобы в подобных случаях не пришлось краснеть за свою конуру. Хотя слово «краснеть» к Эрмосе было неприменимо, потому как его лицо постоянно имело цвет спелого томата.

Пропустив стаканчик и переждав взлет очередного лайнера, который заглушал все вокруг, хозяин покачал головой:

– Слушай, Арсенио, прошло всего два года, а кажется – целая вечность. Где ты пропадал все это время? Небось объездил кучу мест?

Вертлужный знал о парадоксе Эрмосы – владея десятками самолетов, сам он почти никуда не летал и страшно огорчался этим. Как-то не складывалось, и все тут.

– Ничего интересного, Тони! – Вертлужный не стал вызывать зависти у собеседника. – А вот у тебя здесь наверняка многое изменилось. С каких это пор у тебя паркуются американские вояки?

– А, ты об этом? – Толстяк лениво махнул рукой в сторону стоянки, где темнел «Геркулес». – Пришел ко мне человек из их посольства, принес выгодный контракт. А мне особой разницы нет, кто деньги платит. Они ведь не пахнут. Тем более что от меня никаких усилий – требуется принять их пустой транспортник с десятком морпехов на борту, заправить, дать ему отстояться дней десять и выпустить по первому требованию.

– Всего-то?

– Ясно, что темнят янки, – поморщился Эрмоса. – Я же не младенец! Такие деньги «ни за что» не платят. Да и морские пехотинцы просто так на «Геркулесах» не катаются. Только мое дело маленькое – наш МИД дал добро, так чего же мне выпендриваться?

– Ты все правильно делаешь, мудрый Антонио, – улыбнулся русский дипломат, поглажив свою бритую голову. И призадумался. Его самые худшие опасения оправдывались: даже профан догадается, что появились еще одни конкуренты, и очень серьезные, не какая-нибудь частная фирма. По всем признакам чувствовалось – за спиной стоит государство. Причем даже не скрывающее своего лица. Это было очень скверно.

Арсений Макарович еще раз провел рукой по макушке и подмигнул толстяку:

– Не переживай! Я бы на твоём месте только проследил, чтобы эти парни не стащили один из твоих «Боингов».

– Ха-ха! Да мои ребята сотрут их в порошок! – гоготнул магнат. – Ты видел, какую я себе службу безопасности завел, а? То-то же.

Снова зажурчала жидкость, переливаясь из графина в пузатые стаканы из толстого стекла. Толстяк отхлебнул джина, причмокнул и склонился к уху дипломата, хитро прищурясь.

– Беда с этими переворотами! – пожаловался он. – Никакого покоя нет! Вот и приходится таких барбосов держать, чтобы свой бизнес обезопасить.

– Что-то я не слышал, чтобы за последние два года власть у вас менялась! – удивился Вертлужный. – Неужто снова свергли президента?

Толстяк перешел на шепот:

– Нет! Наш «Мендоса» крепко укоренился! Под ним ведь вся армия и полиция!

– А разве это плохо?

– Это здорово! Ведь он сам живет и другим не мешает. Так что – да здравствует господин президент!

Под этот возглас стаканы мужчин со звоном столкнулись, едва не расплескав содержимое. Раскрасневшись еще больше от жары и спиртного, Эрмоса хлопнул короткой пухлой ладонью по столу:

– Слушай! А ведь как Морьентас обрадуется, когда узнает, что ты приехал! Давай вечером к нему нагрянем?

– Посмотрим, Антонио, – пожал плечами дипломат. – Я ведь на службе. Но идея хорошая, надо рассмотреть!

– Тьфу, пропась! Надо рассмотреть! – передразнил его Эрмоса. – Я всегда знал, что с вами, бюрократами, каши не сварить!

Вертлужный ухмыльнулся:

– Не кипятись, амиго. Лучше скажи, как сеньор Деку поживает?

– А что с ним станется? Живет припеваючи! Недавно еще один заводик себе приобрел – пользуется своим служебным положением потихоньку. Кстати, ты в курсе, что Алонсо Гальварра теперь в фаворе? Вы ведь с ним хорошо ладили, я помню.

– Как же, как же. И надолго это, как считаешь?

Эрмоса выпучил глаза, отчего стал похожим на вареного омара:

– По слухам, он теперь «серым кардиналом» в министерстве числится. Говорят, без него ни одно дело не обходится. Хваткий малый.

– Что ж, вполне в его духе. А сеньор Гарсия?

– Генерал, что ли? Да видел его на днях. Приболел малость – что-то с желудком. А так – все тот же твердолобый бычок.

– Надо будет навестить его, – кивал Арсений Макарович, строя в голове планы предстоящих визитов, призванных освежить старые знакомства.

– Обязательно заскочи к нему. Здесь тебя помнят! Хорошие люди, как ты, – большая редкость в наше беспокойное время...

9

Россия, Подмосковье

Несмотря на сухую погоду, грунтовую дорогу с глубокими колеями пересекала солидная лужа. Шикарный «Лексус», плавно переваливающийся с ухаба на ухаб, затормозил у самого ее края и замер в ожидании. Объезда не было. Накамура навалился на руль и вытянул короткую шею, пытаясь определить с местом переправы. Отступать он не привык. Сдвинув мохнатые брови, японец включил заднюю скорость, в сотый раз за сегодняшнюю поездку пожалев, что не взял внедорожник. Тяжелая машина подалась обратно, проскрежетав днищем по засохшим глыбам грязи, вывернутым колхозным трактором, а затем рванула вперед. Со смачным чавканьем передние колеса врезались в черную жижу, подняв тучу насекомых и брызг. Двигатель натужно взревел, вытягивая седан из лужи. Шины, мгновенно покрывшиеся толстым слоем липкой грязи, скользили, почти не встречая сопротивления, и вышвыривали в стороны комья влажной почвы. Корпус автомобиля повело влево. Водитель вцепился в баранку: стоило чуть повернуть колеса, как машина тут же «сядет» еще глубже, и тогда уже выбраться без посторонней помощи будет невозможно. На лбу выступила испарина. Движение сквозь жидкую преграду становилось все медленнее и медленнее. Накамура огромным усилием воли удержал себя от искушения вдавить в пол педаль газа, и только это его и спасло. Колеса нащупали твердый островок, и «Лексус» мелкими рывками, словно нехотя, выполз на сухую грунтовку. Теперь он выглядел уже не так представительно, как раньше. Японец перевел дух, огляделся и продолжил движение, погнав своего «железного коня» дальше по колдобинам.

За поворотом из-за лесополосы показались какие-то строения. Накамура обрадованно прибавил скорость – где-то здесь должна была начинаться искомая деревня. Но его ожидало разочарование. Японец никогда не видел результатов атомной бомбардировки, но, после того как подъехал ближе, вполне мог их себе представить. Над полуразваленными природой и человеческими усилиями коровниками обглоданными ребрами торчали балки, которые еще не успели растащить по дворам бывшие колхозники. Кругом валялся битый шифер. На старых навозных кучах гордо колосились сорняки в полтора человеческих роста, зеленой стеной прикрывая завалившуюся набок силосную башню.

Глубокая рытвина, основательно трянувшая авто, оторвала агента от созерцания разрухи. Надо было следить за дорогой, если он все еще собирался добраться до места. Хотя в России японец был не первый раз, в такую глушь его никогда раньше не заносило. Поблуждав полдня, он уяснил для себя, что и на карте, и на экране бортового компьютера у русских обозначены не дороги, а лишь направления движения, а слово «грунтовый» является синонимом слов «непроходимый» и «непролазный».

Наконец впереди показались поросшие бурым лишайником крыши деревенских домов. Основательно испачканный в пыли и грязи «Лексус» замедлил ход, старательно объезжая пасущуюся перед деревянной покосившейся избой корову. Задрав хвост, та шарахнулась в сторону, обнаружив подкрадывающуюся к себе серебристую машину, мотор которой не чихал и не тархтел на всю округу, как местный мотоцикл или трактор, а только тихонько пофыркивал. Накамура снова забеспокоился. То, что он искал, представлялось ему, мягко говоря, несколько иначе. Опустив стекло, он высунулся наружу, став напротив более-менее приличного крыльца, на котором сидела старушка в белом платочке.

– Добрый день! – вежливо обратился он к ней. Реакции не последовало. Он крикнул громче. Бабка продолжала с интересом смотреть в его сторону, поджав морщинистые губы. Вместо нее отозвался кто-то другой.

– Ты че, ка-азел, к б-бабке пристал! – Скрипучий прокуренный голос в стельку пьяного человека исходил из-под сваленной перед домом кучи валежника. Накамура только сейчас разглядел, что рядом с ней развалился мужичонка неопределенного возраста в драных спортивных штанах и замызганной рубаше. Нетвердой рукой он попытался ухватить лежавший рядом дубовый сук. – Че, не видишь, она глухая!

Сук полетел в сторону «Лексуса», но метатель был явно не в состоянии не только попасть куда-нибудь, но даже добросить. Ему и голову оторвать от земли-матушки – и то вряд ли удалось бы. Зато слов алкаш знал много. Правда, из всего, что Накамура услышал, он понял лишь предлоги «в» и «на», а также общий смысл, отражавший явное недовольство появлением невесты откуда дорогой иномарки.

Не став вступать в прения, японец узрел через десяток домов дородную даму с ведрами, достающую воду из колодца. Машина послушно преодолела это расстояние.

– Добрый день! – снова попытал счастья Накамура.

– Здравсьте, – женщина отставила ведро и вытерла мокрые руки о подол цветастой юбки. – Кого ищешь, милоч?

Накамура обрадованно осклабился:

– Я искать дом, – он развел руками, насколько позволял салон иномарки. – Крупный дом!

– Дачу, что ль, собрался покупать? Да какие же здесь дачи? Старье одно, без слез не глянешь. Это тебе, дорогуша, в сторону Москвы чесать надо. Километров через сорок и начнутся бо-ольшие дома.

– Не надо Москва, – закрутил головой японец. – Здесь надо крупный дом, очень старый.

Женщина горестно всплеснула руками, не обращаясь ни к кому:

– Неужели и до нас добрались, окаянные? На Рублевке им тесно стало, сюда уже лезут!

Накамура старательно наморщил лоб, стараясь понять, о чем идет речь. Если он правильно уловил намек, речь шла о деньгах. Потом поспешно кивнул и достал кошелек:

– Сколько стоит показать дом? Рубли?

Тут уже дама задумалась, принялась одергивать выцветшую блузку.

– Что-то теперь я не пойму, – осторожно начала она. – Тебе что, мой дом нужен?

– Не надо твой дом. Я давать деньги, ты говорить, где старый дом, в котором жил помещик, дворянин. Понимаешь?

В руках японца появилась пятидесятидолларовая купюра. Местная жительница радостно хлопнула себя по лбу:

– Дак ты турист? А я-то уж испугалась было, мамоньки мои! Усадьбу ищешь дворянскую? Так прямо по улице к ней и выедешь!

– Туда? – переспросил Накамура, сунул в руку оторопевшей женщине деньги и завел двигатель. – Спасибо большое!

«Лексус» тронулся с места, подняв за собой облачко пыли. Поспешно спрятав деньги за пазуху, поближе к сердцу, случайная проводница растроганно крикнула вслед странному иностранцу:

– Может, тебе самогоночки налить? Хороший первач есть. Не надо?..

* * *

Старинный особняк японец разглядел сразу. Когда-то добротный двухэтажный дом с колоннами ныне находился в весьма плачевном состоянии, и назвать его дворянской усадьбой у Накамуры не повернулся бы язык. Кое-как перекрытая жестью крыша давно требовала ремонта. Обшарпанные стены местами дали трещины, в окнах не хватало стекол. От дворовых построек не осталось и следа, а обычный для тех времен вишневый сад рядом с имением остался лишь в памяти людей, его видевших.

Оставив машину на обочине, Накамура зашагал по заросшей травой тропинке к особняку. Вокруг стояла тишина, столь непривычная для городского уха. Рядом со входом, рассеявшись кружком на плотно утоптанной площадке, ребята играли в «копеечку». Увидев дорожную иномарку, пацаны мигом забросили свое занятие и гурьбой ринулись к ней, чуть не сбив японца с ног. Подозрительно посмотрев вслед чумазым ребяташкам, Накамура принялся осматривать здание, то и дело щелкая затвором фотоаппарата с довольной улыбкой на раскрасном лице. Причем выбирал он для съемок самые неприглядные места и ракурсы. «Чем хуже на фото выйдет строение, тем веселее будет аргумент против возвращения Остроумова на родину», – думал он. Сильно стараться не пришлось, вид у родового поместья Остроумовых и так был убогим. Как издевательство справа от входа висела выгоревшая табличка, оповещавшая о том, что перед читающим стоит памятник архитектуры девятнадцатого века, охраняемый государством. А чуть повыше помещалась вторая, с надписью: «Дом культуры». Накамура с особенной тщательностью сфотографировал обе, огляделся и решил сделать еще пару зарисовок издали.

Дети, кружившие вокруг дорогой иномарки, заметив, что он возвращается, кинулись к нему. От приятной тишины остались одни осколки. Непрестанно галдя и хватая заезжего гостя за одежду, они стали обстоятельно его доставать:

– Дядь, прокати! А можно в машине посидеть? А как машина называется?

Самые расторопные стали наперебой предлагать помыть «тачку» за деньги, кто-то уже притащил вяленую воблу, предлагая купить ее к пиву. Японцу еле удавалось отбиваться от назойливых ребяташек. Подойдя к «Лексусу», он намеревался закончить свою фотосессию, но малышня буквально висла у него на руках.

– Подождите минуту! – рыкнул, не выдержав, агент. – Я дам деньги, только отстаньте!

Шумная ватага ненадолго притихла. Приложившись к видискателю камеры, японец положил палец на спуск и вдруг услышал щелчок. Но это был не фотоаппарат. Обернувшись, Накамура оторопел от возмущения, а потом кинулся к своему «Лексусу». Перепачканный в пыли мальчуган умудрился открыть двери его седана и с ногами забрался на заднее сиденье, свалив на пол замшевый пиджак стоимостью в полторы тысячи баксов. Японец в ярости кинулся к машине. Распахнув заднюю дверцу, он попытался выволочь пацаненка за шиворот, но тот вывернулся ужом, оставив в руках свирепого хозяина автомобиля свою заношенную до дыр и прожженную в нескольких местах футболку.

– Ах ты, мерзавец, – по-японски ругнулся Накамура, раздумывая, как бы ловчее схватить наглого постреленка. Повизгивая от восторга и собственной смелости, тот забился в дальний угол, оставляя на кожаной обивке сиденья грязные отпечатки стоптанных сандалий. Внезапно сбоку сверкнула фотовспышка. От неожиданности японец прикрыл глаза ладонью. Непонятно откуда рядом с «Лексусом» появились двое в штатском. Добродушно улыбаясь, один из них щелкал фотокамерой, а второй, подойдя поближе, протянул Накамуре раскрытую красную книжцу со своей физиономией на фотографии и представился:

– Капитан Иванов, Интерпол. Пожалуйста, положите руки на машину и не делайте глупостей, господин Согава.

Как он мог прозевать? Непростительная ошибка для человека его профессии. Японец сощурил и без того узкие глаза и молниеносно осмотрелся. Парни, выросшие словно из-под земли, обступили его с двух сторон. Тот, что с фотоаппаратом, крепче и выше ростом, пиджак расстегнут, правая рука в готовности выдернуть оружие. Незнакомец с ксивой – худощавый и жилистый, несомненно, тоже имеет ствол, потому и прячет левую руку. Опасная ситуация. А хуже всего было то, что это никакая не ошибка или недоразумение, поскольку эти двое знают его по имени и наверняка следили за всеми его перемещениями. Действовать при таком раскладе «в лоб» слишком рискованно. Нужно дожидаться подходящего момента.

– Моя японский подданный и ничего не виноват, – заявил он, сжавшись, словно от страха и нарочно не заботясь о правильности речи и произношения. За спиной хлопнула дверца – это чумазый гаденыш выпрыгнул из салона.

Плохо! План с заложником теперь автоматически отпал.

– Повторяю, повернитесь лицом к машине и положите руки на крышу, – в голосе капитана слышались угрожающие нотки, а фотограф сунул руку под мышку.

Очень натурально задрожав, японец выполнил требования, не выпуская из поля зрения противников.

– Какая моя вина? – пролепетал он, с удовлетворением наблюдая за тем, как парни расслабились, «проглотив» спектакль с испугом. – Моя звонить адвокату, пожалуйста!

Самоуверенный капитан слишком небрежно подбил его стопу, чтобы расставить ноги агента пошире, и начал обшаривать одежду, попутно объясняя причину задержания:

– Вы разыскиваете в связи с обвинениями в педофилии...

Не потеряв из-за оплошности обыскивающего опоры для ног, японец терпеливо выждал. «Как ловко они меня подставили! – мелькало у него в голове. – Отделаться взяткой не выйдет – у них не те задачи. А на законное разбирательство может уйти целая вечность, учитывая фото с полуголым мальчиком в машине...»

– ...Только не надо говорить, что вы не собирались развращать этого бедного ребенка! – продолжал разговорчивый опер, взяв агента за левую кисть и собираясь завести ее за спину и надеть наручники. – Вы имеете пра...

Тут он осекся на полуслове и вскрикнул от боли, так как вместо руки арестованного вывернутой оказалась его собственная кисть. Накамура, продолжая ломать запястье капитану, в мгновение ока развернулся и нанес сокрушительный удар стопой в пах фотографу. Реакция у парня оказалась хорошей, но ровно настолько, чтобы спасти его от инвалидности. Силы удара все равно оказалось достаточно, чтобы сделать крепыша небоеспособным на пару секунд. А большего японцу и не нужно было. Коротко двинув по шее второго противника, уже успевшего достать оружие невыкрученной рукой, он оттолкнул обмякшее тело от «Лексуса» и прыгнул за руль. Секунда – и автомобиль рванулся вперед, подняв за собой пыльные вихри.

В зеркало заднего вида Накамура заметил, как, преодолевая боль, первый оперативник поднялся на колени и прицелился в удаляющуюся иномарку из пистолета. Пригнувшись к приборной доске, японец вильнул рулем, едва не сбив чей-то штaketник, и удачно вписался в поворот. Теперь надо было рвать когти.

Деревня, по которой неслась грязная иномарка, распугивая кур и гусей, оказалась довольно крупной. В ней было даже несколько переулков, вдоль которых стояли деревянные срубы и несколько кирпичных домиков. Впереди показался перекресток, и предстояло решить, куда двигаться дальше. Накамура доверился интуиции – возиться с компьютером и картами совершенно не было времени. Уже перед самой развилкой агенту из Страны восходящего солнца показалось, что грунтовка, ведущая направо, более укатана, а значит, и чаще используется. Вероятнее всего, по ней можно выбраться в более обжитые места. Приготовившись повернуть, японец по привычке глянул по сторонам. Яростный рык вырвался из его горла – между домами мелькнула несущаяся ему наперерез машина. Маневрировать было некогда. Вдавлив педаль газа в пол, Накамура пролетел перекресток напрямую, выиграв у преследователей почти сотню метров. Темно-зеленая «Нива Шевроле», подсакивая на ухабах, понеслась следом. Будь они на шоссе, оторваться иномарке не составило бы труда. Но под колесами извивалась змеей раздолбанная колея, лишая «Лексус» каких бы то ни было преимуществ.

Но сдаваться Рю Накамура не собирался. Отчаянно вцепившись в рулевое колесо, он дергал его то вправо, то влево, не обращая внимания на душераздирающий скрежет днища по грунту. «Нива» не отставала.

Выскочив из деревни, японец вывел свой седан из колеи на обочину, подняв придорожную пыль. Подвеска уже не справлялась с неровностями, и машину лихорадочно затрясло. Но скорость порядком увеличилась. Обрадованно глянув в зеркало, агент увидел, что противники немного отстали, но дорога свернула в лесок, и ему пришлось снова вернуться в ненавистную колею, выбитую в распутицу тяжелой техникой. Гоня вперед уже без разбору, Рю врубил компьютер и попытался разобраться в своем местонахождении. Сделать это было крайне сложно – автомобиль мотало из стороны в сторону, как щепку во время шторма.

Лесок так же внезапно расступился, как и возник. Кривая дорога вела прямо к заросшей ряской и тростником речушке, через которую был перекинут деревянный мост. Черные подгнившие балки не внушали доверия, по ним бы перебираться осторожно, с опаской. Но сзади подпирали преследователи, и выбирать не приходилось. Форсировать речку на полной скорости – таковым было решение японца. Развалился мост прямо под его колесами – что ж, такова судьба, но ведь он может разрушиться и после того, как иномарка по нему проскочит. Тогда не повезет врагам, а у него самого появится реальный шанс уйти от погони.

Боковое стекло «Нивы» опустилось, и пассажир переднего сиденья высунулся в окно, сжимая в руках короткий автомат. Засверкали частые вспышки. Пули злобным роем понеслись в направлении колес удирающего «Лексуса». Но интенсивная тряска и виляние мишени позволили лишь вздыбить фонтанчики земли в полуметре от задней крыши. Преследователи оказались настырными. Одна за другой зазвучали повторные короткие очереди. По всей видимости, беглец нужен был живым, поэтому стрелок предпочитал лупить мимо машины, чем зацепить смертоносным металлом салон или бензобак.

«Лексус», не сбавляя хода, подлетел к мосту. До деревянного настила оставались считанные метры, но пуля оказалась проворнее. Ударив в заднюю шину, она в один миг превратила ее в рваные лохмотья. Иномарку занесло. Ее водитель вывернул руль, но было уже поздно. Машина въехала на мост лишь левым передним колесом, получая все больший крен, и, в конце концов, слетела под откос, с громким всплеском воткнувшись капотом в заросшую тиной воду. Выбитый ударом фонтан брызг, водорослей и ила крупным дождем забарабанил по крыше покачивающегося «Лексуса». Нос его полностью скрылся под водой, багажник еще цеплялся за берег, а в салон, где растопырились белыми шарами подушки безопасности, ринулись веселые струйки.

Сильные руки выдернули полуоглушенного японца из машины. Для этого одному из преследователей пришлось прямо в костюме лезть в грязную речку по пояс. Очутившись на берегу, Накамура попытался дернуться, но пара жестких поставленных ударов опустила темную пелену на его сознание. На запястьях защелкнулись наручники.

Немного поспорив относительно того, стоит ли еще кому-то лезть в реку, если один уже и так по уши в воде, крепыши из «Нивы» вынули из полузатопленного автомобиля подмокшие вещи японца, погрузили его самого к себе в машину и с чувством выполненного долга запрыгали в направлении Москвы.

10

Латиноамериканская республика, столица

Сенсации бывают очень живучими, особенно там, где они редко случаются. Одним они приносят доход и рост рейтингов, другим – массу неудобств от внезапно нагрянувшей славы. Большинство же получает отличную тему для размышлений и болтовни. Стоит ли говорить, что для жителей небольшой республики, пресса и телевидение которой последние две недели старательно муссировали только одно событие, не было лучшей словесной «жвачки», чем изобретение водородного двигателя.

Алекс Бэр в этом лично убеждался все последние полчаса, которые он проводил в пивном баре. Заведение имело громогласное название «Валькирия» и располагалось в немецком квартале Ла-Пуэрто. Над входом висела здоровенная вывеска, на которой красовалась воинственного вида дева с обнаженной грудью и распущенными волосами. Из-за ее спины торчали орлиные крылья, а вот в руках вместо души павшего на поле брани воина она держала пивные кружки, доверху наполненные пенистым напитком. Само собой разумеется, что основными посетителями в нем были этнические немцы, составлявшие местную немецкую общину.

Внутри бара витал терпкий запах пива и копченых колбас, выбор которых здесь был не меньшим, чем в далекой Германии. Как и сортов пива. Многочисленные посетители с удовольствием поглощали и то и другое, чинно устроившись за крепкими дубовыми столами. Отовсюду слышалась «каркающая» немецкая речь, изредка сменяющаяся дружным хохотом отдельных компаний. Отдых шел на славу, но нигде не было видно ни пролитой пены, ни разбросанных окурков, а тем более уткнувшихся носом в миски граждан, не рассчитавших своих сил. Тех, кто изрядно перебрал, вежливо и без лишнего шума спроваживала домой пара охранников, одетых в национальные немецкие одежды. Несколько вызывающе накрашенных официанток в таких же нарядах расторопно сновали по залу, разнося заказы.

Алекс нарочно не стал садиться за стол, а расположился у стойки, заказав себе стаканчик рома. Во-первых, здесь чаще менялись люди, а во-вторых, отсюда можно было, не привлекая к себе внимания раньше времени, держать в поле зрения почти весь зал. Существовала, правда, и еще одна причина, по которой Алекс облюбовал себе местечко именно здесь. На высоком стуле у барной стойки, закинув ногу на ногу, сидела белокурая девушка в короткой кожаной юбке. Легкая маечка оставляла совершенно открытой в меру загорелую спину, поскольку состояла из одного кусочка светлой ткани, облежавшего высокую упругую грудь, и держалась на паре тесемок, крестнакрест пересекавшихся между лопатками. Локоны, ниспадавшие на потрясающие плечи, были завиты и искусно уложены, а от всего облика красотики исходили невероятные по силе притягательность и женственность. Потягивая коктейль через соломинку, блондинка о чем-то беседовала с барменом, который вел себя крайне деликатно и услужливо.

Бэр довольно хорошо разглядел ее. Если поначалу он оценил ее возраст максимум в двадцать лет, то, увидев ее симпатичное, но с немного резковатыми чертами лицо и глаза умудренной опытом женщины, больше стал склоняться к двадцати пяти – двадцати семи годам. Девушка тщательно следила за собой, вполне знала о своей привлекательности и наверняка умело ею пользовалась. Станным было лишь то, что за все время не нашлось ни одного мужчины, который не то чтобы начал приставать к одиноко сидящей девице, но даже не попытался познакомиться с ней. Все, кто проходил мимо или заказывал бармену выпивку, только вежливо здоровались с ней, даже не пытаясь заигрывать.

Оставив анализ блондинки на потом, Алекс прислушался к разговору двух «белых воротничков», занявших соседние с ним стулья.

– ...да ты что, Ганс! Наш президент ни за что не выпустит такое ценное изобретение из страны!

– Допустим! – упрямо мотал головой Ганс. – Сам аппарат он может оставить здесь, как разработанный на территории республики. Но русского-то он никак не удержит! Это же скандал! А без него кто в этом двигателе разберется?

– Да запросто удержит!

– В тюрьму, что ли, посадит?

– А хоть бы и так!

Улучив момент, Алекс поставил свой стакан и во всеуслышание заявил:

– Тогда он будет похож на собаку на сене. Только евроатлантическая цивилизация может разумно распорядиться изобретением.

– Это почему это? – повернулся к нему Ганс.

– Произойди это в нормальной стране, например в Германии, – Бэр нарочно говорил громко, чтобы привлечь к себе внимание своей точкой зрения, – уж нашлись бы достойные аргументы, чтобы уговорить гения жить там и работать дальше. Да у него и самого мысли бы не возникло куда-нибудь ехать! А все потому, что там живут умные люди, способные оценить и, самое главное – воплотить идею в жизнь!

Публика, для которой он произносил свои пламенные речи, реагировала по-разному. Кто-то, заслышав критику власти, поспешно отворачивался, кто-то молча выслушивал. Но были и те, кто всерьез заинтересовался. Над ухом раздался низкий женственный голос:

– Вы действительно так считаете или это дешевый популизм?

Алекс неспешно обернулся и смерил переместившуюся поближе к нему блондинку оценивающим взглядом.

– А вы считаете популизмом уважение к арийской расе? – вопросом на вопрос ответил он, с удивлением отметив, что Ганс и его приятель с появлением блондинки тихонько ретировались.

– А откуда вдруг такое уважение? Вы ведь не немец?

– Необязательно им быть, чтобы видеть очевидное, – завернул Бэр, краем глаза любуясь колышущейся при дыхании грудью собеседницы.

– Вы американец, так? – довольно резко спросила она, осмотрев его с ног до головы.

– Меня выдали мои джинсы? – улыбнулся Алекс.

– Нет. Вас выдала ваша самоуверенность, мистер... как вас там?

– Смит. Сэмюэль Смит. Можно просто Сэм. А ваше имя позволите узнать? – Тут Бэр ни капли не соврал: у него в бумажнике действительно лежало водительское удостоверение на имя Смита с его фотографией. А свою собеседницу он узнал еще раньше.

– Хельга Брунер, – с вызовом ответила блондинка. – Это еще раз подтверждает, что вы не местный. Меня здесь все знают.

– О! Так это ваша статья о русском изобретателе наделала столько шума? У вас сильный слог, фрау Брунер!

– Фрейлейн. Может, закажешь мне стаканчик, Сэм, а заодно и просветишь, откуда такой интерес к немецкой прессе и чудное владение языком? – Голос Хельги немного потеплел, и она уже с интересом разглядывала могучий бицепс «американца», обтянутый коротким рукавом белоснежной футболки.

– С удовольствием, Хельга! Могу я так тебя называть?

Сделав заказ, Алекс посмотрел в глаза немке. Откровенной вражды в них уже не читалось, но настороженность еще можно было заметить. Обнажив в улыбке ровные белые зубы, он со вздохом признался:

– Моя бабушка была немкой. Дед увез ее в Штаты сразу после войны.

Соломинка погрузилась в щель между чувственными губами Хельги, на которых мерцала дорогая помада. Сделав глоток, она выпустила ее и приподняла бровь:

– Это многое объясняет.

Их глаза встретились: голубой лед и бархатно-серые грозовые тучи. Алекс подкоркой почувствовал ее влечение к нему. Но внешне фрейлейн Брунер по-прежнему оставалась холодной белокурой бестией. Помолчав немного, она проронила:

– Я не люблю янки, но ты, кажется, не такой, как они все.

Не отрываясь от ее испытующего взгляда, Алекс как можно убедительнее изрек:

– Перед лицом мусульманской и цветной угрозы все белые должны объединиться... Хотя, что это мы все о политике, есть куда более приятные вещи...

С этими словами его рука словно невзначай коснулась ее колена. Бэр не спешил ее убирать: кожа была гладкой и нежной, а протеста такому хамству не последовало. Лишь в глазах у девицы заплясали загадочные молнии.

– Прошу прощения, фрейлейн Брунер, – спугнул купидона подкравшийся сзади пожилой мужичок в жилетке. – Вы просили напомнить вам о важном звонке.

Голос Хельги вновь приобрел металлические нотки, но Алекс заметил легкий румянец на ее скулах.

– Спасибо, Карл. Я помню, – ответила блондинка и соскользнула со стула. Грациозно покачивая стройными бедрами, она направилась в дальний угол бара, где висел телефон. Мужичок в жилетке опередил ее. Подбежав к солидному пузатому мужчине, который как раз собирался воспользоваться аппаратом, он шепнул ему что-то на ухо. Тот отреагировал молниеносно: положил трубку на место и, раскланявшись, удалился к своему столику.

Сценка только подтверждала догадку Бэра об особенном положении в обществе его новой знакомой. Это было и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо, потому что это полностью соответствовало его планам. А плохо... плохо потому, что он ужасно желал эту белокурую бестию...

* * *

– Знаешь, а ведь я так и представлял себе твой дом, Хельга. – Алекс шагал рядом с блондинкой по вымощенной камнем дорожке мимо идеально постриженного газона, посреди которого нелепо торчали бетонные гномики с фонарями в уродливых ручонках, разукрашенные масляными красками. Двухэтажный коттедж, выстроенный в немецком стиле, мало чем отличался от остальных домов, ровной стрункой вытянувшихся вдоль чистенькой улицы. Такая же высокая заостренная черепичная крыша со слуховыми окнами, такие же выбеленные стены, выложенные кирпичом внутри деревянного каркаса, оконные рамы из множества маленьких квадратов, похожие на деревянные решетки, и решетчатые ставни. – Как все аккуратно и ухоженно!

– У нас всегда так, – пожалла гладкими плечами красотка, отмыкая входную дверь.

– Это и поражает!

Оказавшись в доме, Алекс схватил хозяйку за руку и привлек к себе. Та не сопротивлялась. Напротив, обхватив его могучую шею обеими руками, она жадно впиалась в его губы своими губами. Легкая маечка бесшумно упала на пол, и упругие груди оказались в его ладонях. Почувствовав, что Хельга пытается стянуть с него футболку, он на секунду отстранился, сорвал ее с себя и с остервенением отшвырнул в угол. Легко, словно пушинку, он подхватил немку на руки. Туфли с высокими каблуками одна за другой глухо брякнулись на паркет. Сладостный вздох вырвался из уст женщины, когда Алекс провел губами по темнеющему кружку на ее груди. Запустив пальцы в его шевелюру, она выгнулась дугой и прижала его голову к себе.

Опрокидывая по пути мебель, они добрались до стола. Ореховое дерево жалобно закрипело под извивающимися горячими телами...

...В себя они пришли уже в постели. Тяжело дыша, Хельга Брунер села на кровати. Склонила голову.

– Со мной еще никогда такого не было, – промурлыкала она, накручивая локон на указательный палец.

– Ты сама сказала, что я не такой, как все.

Глядя на разлегшегося на шелковой простыне мускулистого красавца, она сыто улыбалась. Погладив его по мощному прессу, наклонилась и легонько укусила за ухо.

– И я не ошиблась, – шепнула она, а затем поднялась с грацией кошки. Простыня сползла на пол с ее ног, представив взору Алекса изящный силуэт фигуры на фоне серого вечернего окна.

– Хочешь, скажу банальность? – спросил он, любуясь плавными линиями тела девушки.

– Что я красивая?

– Да.

– Не нужно. Мы ведь знакомы всего два часа... Нет, уже почти четыре, – поправила она сама себя, подойдя к старинным напольным часам. – Лучше вставай, Сэм, я хочу кое-что тебе показать. Только сбегаю на минутку в ванную, и мы пойдем.

Бэр нехотя влез в джинсы. От образцового немецкого порядка в доме не осталось и следа. Постель съехала набок, то тут, то там на полу валялись вещи, подушечки с тахты, вязаный плед. Хотя в жилище побывали только двое обуреваемых неистовой страстью людей, вид у него был такой, словно по нему прошелся ураган.

В конце коридора послышался приглушенный шум льющейся воды и плеск. Бесшумно ступая босыми пятками по полу, он подобрался ближе. Звуки доносились из-за распахнутой двери. Заглянув туда, он увидел Хельгу, неторопливо растиравшую розовое от теплой воды тело пушистой мочалкой, из которой сочилась обильная пена. Воспользовавшись ее занятостью, Алекс прошмыгнул обратно в спальню и тщательно осмотрелся, подмечая мельчайшие детали. Не найдя ничего особенного, он вернулся в гостиную. Внимание его привлекли рамочки с фотографиями, аккуратно расставленные на комод. Поглядев повнимательнее, он обнаружил один занятный снимок. На пожелтевшей от времени фотографии был запечатлен бравый вояка в форме офицера Третьего рейха: улыбается, щегольские усики лихо закручены, в руках кожаная плетка. На заднем плане – забор из колючей проволоки.

«Так-так, – подумал Бэр. – И даже не стесняемся „подвигов“ своих предков. Хм!» Чуткое ухо уловило, что звуки в ванной притихли, и он, не издавая ни звука, отступил в коридор, делая вид, что ищет свою футболку. За этим занятием его и застала хозяйка.

– Посмотри у дверей, растеряша, – снисходительно обронила она, проплывая мимо, завернутая в полотенце. – Дай мне еще одну минуту, а пока налей себе чего-нибудь. Бар вон там!

Алекс послушно потопал в указанном направлении. Ассортимент напитков в баре оказался на редкость богатым, у немки был неплохой вкус и материальные возможности. Достав два широких стакана, он плеснул в каждый на два пальца рома двенадцатилетней выдержки и уселся в кресло. Хельга и правда появилась очень скоро. На этот раз на ней были обтягивающие голубые джинсы и топик, доходивший до середины живота. Влажные волосы собраны на затылке в хвостик, на лице – ни капли косметики. Так она совсем не была похожа на женщину-вамп, с которой познакомился Алекс, а скорее смахивала на студентку. Подойдя к журнальному столику, возле которого расположился гость, она взяла с него свою порцию спиртного и одним махом опрокинула ее. На миг задержала дыхание, потом шумно выдохнула, даже не поморщившись. Алекс удивленно приподнял бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.